DOI 10.24412/2658-5960-2026-55-16-31
УДК 94(571.6)

Роман Сергеевич Авилов[1]
avilov-1987@mail.ru

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ СТАДИЯ МАНЗОВСКОЙ ВОЙНЫ 1868 г.: РУССКО-КИТАЙСКИЕ ПОГРАНИЧНЫЕ ПЕРЕГОВОРЫ[2]

В статье на впервые вводимых в научный оборот материалах Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА) рассматриваются русско-китайские пограничные переговоры на заключительном этапе Манзовской войны 1868 г. Отмечены причины отсутствия специальных исследований этого вопроса в отечественной историографии. Дана характеристика русско-китайских пограничных контактов в ходе военных действий и после их окончания. Впервые публикуются данные о поездке в Хуньчунь для переговоров с китайскими пограничными властями адъютанта Окружного штаба Восточного Сибирского военного округа Генерального штаба капитана барона А.Ф. Розена. Проанализированы последовавшие за этим по приказу М.С. Корсакова переговоры начальника Новгородской постовой команды подполковника Я.В. Дьяченко с представителями китайских властей. Выяснена судьба задержанных в ходе Манзовской войны 1868 г. китайцев и манз, участие которых в конфликте рассматривала созданная по приказу М.С. Корсакова особая комиссия. Установлено, что по результатам её деятельности все задержанные были разделены на три группы. Признанных виновными было приказано отправить на каторгу на о. Сахалин, оставшихся под подозрением с недоказанной виной — передать пограничным китайским властям в г. Хуньчунь, а манз, признанных не подлежащими подозрению, — отпустить с правом остаться на территории Российской империи. Опубликованы данные о передаче второй группы задержанных китайским пограничным властям и документы, подписанные по итогам этого мероприятия.

Ключевые слова: Манзовская война, Восточный Сибирский военный округ, М.С. Корсаков, И.В. Фуругельм, А.Ф. Розен, русско-китайские отношения, Дальний Восток России.

---

[1] Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток, Россия.

[2] Статья выполнена в рамках темы государственного задания Минобрнауки РФ «Дальний Восток в контексте исторической эволюции России: факторы национальных и глобальных трансформаций, особенности регионального развития» (FWMU-2026-0013).

Roman S. Avilov[3]
avilov-1987@mail.ru

THE RUSSO-CHINESE BORDER NEGOTIATIONS AS A FINAL STAGE OF THE MANZA WAR OF 1868

Based on the materials of the Russian State Military Historical Archive (RSMHA), which are being introduced into scientific circulation for the first time, the article examines the Russian-Chinese border negotiations at the final stage of the Manza War of 1868. The reasons for the lack of special research on this issue in Russian historiography are noted. The article describes the Russian-Chinese border contacts during and after the hostilities. For the first time is published the data on the trip to Hunchun for negotiations with the Chinese border authorities of the adjutant of the District Headquarters of the Eastern Siberian Military District the General Staff Captain, Baron A.F. Rosen. The negotiations that followed on the orders of M.S. Korsakov with representatives of the Chinese authorities with the Commander of the Novgorod Sentry Team, Lieutenant Colonel Ya.V. Dyachenko, are analyzed. It was found out the fate of the Chinese and Manz detained during the Manza War of 1868, whose participation in the conflict was considered by a special commission created by order of M.S. Korsakov. It was established that according to the results of their activities, all the detainees were divided into three groups. Those found guilty were ordered to be sent to Katorga on Sakhalin Island, those who remained under suspicion with unproven guilt were handed over to the Chinese border authorities in Hunchun, and those who were found not to be subject to suspicion were released with the right to remain in the territory of the Russian Empire. For the first time have been published the data on the transfer of the second group of detainees to the Chinese border authorities and the documents signed following the results of this event.
Keywords: Manza War, East Siberian Military District, Mikhail Korsakov, Johan Furuhjelm, Alexander Rosen, Russian-Chinese Relations, Russian Far East.

Одним из наиболее ярких событий на российском Дальнем Востоке в 1860-е гг. стала Манзовская война 1868 г., официально определявшаяся в Российской империи как «восстание китайцев (манз) в Южно-Уссурийском крае в 1868 г.» (Манзовская война 1914: 165). Основной ход боевых действий этого конфликта хотя и описывается почти исключительно на основе статьи Н.М. Тихменева и оценивается исследователями по-разному, но в целом к настоящему времени изучен сравнительно неплохо (Тихменев 1908; Кондратенко 2004; Петров 2003: 208—218; Ершов 2010: 47—73; и др.). С историей дипломатических последствий Манзовской войны ситуация обстоит диаметрально противоположным образом. До последнего времени не удавалось найти практически

[3] Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia.

никаких источников по истории русско-китайских пограничных переговоров как на завершающей стадии этого конфликта, так и сразу после него, поэтому большая часть исследователей либо ограничивались приведением отрывочных данных из той же статьи Н.М. Тихменева — буквально 6 абзацев из последней её части (Тихменев 1908, № 7: 35—37), либо вообще обходили этот вопрос стороной. В настоящее время удалось разыскать несколько ранее неизвестных документов, позволяющих вернуться к рассмотрению этого вопроса.

Из достаточно сбивчивой в этой части текста статьи Н.М. Тихменева, написанной на материалах семейного архива, следует, что, во-первых, были серьёзные противоречия во взглядах на ведение переговоров с китайскими властями между его отцом — начальником штаба войск Приморской области Генерального штаба полковником М.П. Тихменевым, назначенным на время конфликта Командующим войсками Южно-Уссурийского края, и генерал-губернатором Восточной Сибири и Командующим войсками Восточного Сибирского военного округа М.С. Корсаковым. Во-вторых, русские власти вроде как сначала требовали от китайских властей выдать им бежавших на территорию Китая участников Манзовской войны, в чём им было отказано, а потом, по приказу М.С. Корсакова, сами выдали китайским властям «взятых с оружием в руках манз, а также и тех жителей, на которых падает справедливое подозрение в содействии разбойникам и укрывательстве их». В-третьих, имели место ещё какие-то переговоры с Хунчунским амбанем и Гиринским дзянь-дзюнем, о которых автор статьи ничего не знал, потому что в семейном архиве Тихменевых этих материалов не сохранилось (Тихменев 1908, № 7: 35—37).

К сожалению, документов о начале русско-китайских переговоров, в отличие от их финальной стадии, несмотря на все усилия, разыскать не удалось. Вероятнее всего, они погибли в Иркутских пожарах 22 и 24 июня 1879 г., уничтоживших большую часть города и почти весь архив Восточного Сибирского военного округа, за исключением буквально нескольких дел. Исходя из данных того же Н.М. Тихменева, первые контакты начальника Новгородской постовой команды подполковника Я.В. Дьяченко с властями г. Хуньчунь имели место в самый разгар конфликта — между 5 мая 1868 г., когда он прибыл в Посьет, и 12 мая, когда он отправился из Посьета в Раздольное. Это было уже после нападения незаконных старателей на экипаж шхуны «Алеут» на о. Аскольд и сожжения поста Стрелок, но ещё до того, как Я.В. Дьяченко узнал о сожжении дер. Шкотовой, население которой было вырезано в худших азиатских традициях. Нападение на с. Никольское и боестолкновение под Дубининским будет иметь место позднее. В Посьете подполковник Я.В. Дьяченко занимался допросом пленных манз и вёл переговоры с властями Хуньчуня. «Эти последние требовали, чтобы

манзы, как не подлежащие русскому суду, были им выданы, но получили от Дьяченко отказ» (Тихменев 1908, № 5: 53).

Возобновились дипломатические контакты уже на завершающем этапе кампании, когда русским властям удалось наконец взять под контроль ситуацию в Южно-Уссурийском крае. С русской стороны проработка организации возможных переговоров с представителями Дайцинской империи началась практически сразу после того, как 29 мая 1868 г. в сражении у Дубининского основная группа вооружённых манз была разбита и рассеяна, а часть разбойников благополучно ушла на территорию сопредельного государства. Если верить Н.М. Тихменеву, инициатором переговоров выступил его отец — Командующий войсками Южно-Уссурийского края М.П. Тихменев, который специальной инструкцией потребовал от командира 1-го Восточно-Сибирского линейного батальона (дислоцировался в районе зал. Посьета), командовавшего одним из действовавших в ходе конфликта отрядов, майора К.А. Пфингстена: «Сообщите Хунчунскому амбаню, что мангугайские манзы произвели беспорядки, оказали неповиновение русским властям и не дали знать русским начальникам, что разбойники, вопреки запрещения русского правительства, разрабатывали золото. Поэтому потребуйте от Хунчунского амбаня выдачи хозяев, работавших золото на Аскольде, а также мангугайских старшин, объяснивши при этом, что русское правительство имеет документы враждебности здешних манз к нам и помощи, которую они оказывали разбойникам при разработке золота» (Тихменев 1908, № 7: 35).

Руководствуясь этим распоряжением, майор К.А. Пфингстен направил письмо в ближайший к границе китайский город — Хуньчунь. По данным того же Н.М. Тихменева: «В ответ он получил известие, что в Хунчун прибыл из Нингуты чиновник, который хотел бы приехать в Посьет для переговоров, но не может, так как с ним много войск, и просит Пфингстена самого выехать на границу для переговоров. При этом чиновник предлагал свои войска для ловли хунхузов на границе, но вместе с тем просил о выдаче взятых нами на Мангугае пленных, якобы для отправления их в Пекин» (Тихменев 1908, № 7: 35—36).

На самом деле в Хуньчунь прибыл не чиновник из Нингуты, а сам Нингутинский фудутун, т.е., по сути, губернатор, со своими чиновниками, конвоем и войсками для борьбы с хунхузами. Именно этим и объяснялась многочисленность войск. Причём, судя по тому, что к моменту отправки письма К.А. Пфингстена он уже был в Хуньчуне, о беспорядках на российской территории, сопровождавшихся открытым военным выступлением, он узнал отнюдь не от русских властей, а по своим собственным каналам.

В рапорте Генерального штаба капитана А.Ф. Розена, относящемся к более позднему периоду переговоров, указано, что к тому времени,

как он прибыл 15 июня в г. Хуньчунь, Нингутинский фудутун ждал там прибытия в Посьет М.С. Корсакова уже более 3 недель, рассчитывая лично встретиться с ним и военным губернатором Приморской области контр-адмиралом И.В. Фуругельмом для проведения словесных переговоров. Более того, фудутун уже успел наладить письменный контакт с русскими властями в Новгородском посту и совершить две поездки на границу, оказавшихся напрасными, так как русские начальники ещё не прибыли (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 134. Л. 41 об. — 42). Это значит, что Нингутинский фудутун прибыл в Хуньчунь примерно 25 мая, т.е. ещё до сражения у Дубининского, которое состоялось 29 мая. Следовательно, переписка К.А. Пфингстена с ним началась не ранее 25 мая и завершилась до 13 июня, когда до Новгородского поста добрался А.Ф. Розен.

«Пфингстену приказано было (вероятно, М.П. Тихменевым. — *Р.А.*) отвечать, что он не имеет полномочия для переговоров по поводу настоящих важных событий, служащих ясным доказательством беспечности пограничных маньчжурских начальников, но что генерал-губернатор скоро будет в Новгородском посту и что ему, быть может, тогда угодно будет потребовать объяснения от Хунчунского амбаня. Что касается выставления маньчжурских войск на границе, то приказано выразить удивление, что этого до сих пор не было исполнено. Далее предписывалось, во-первых, непременно требовать выдачи нам мангугайских, цимухинских и прочих хозяев, бежавших в Хунчун, разрабатывавших золото и стрелявших в русских, причём, конечно, уже не мог возникнуть вопрос о передаче нами пленных маньчжурским властям; затем сообщить, что русским войскам приказано истребить всех разбойников, нарушивших спокойствие края» (Тихменев 1908, № 7: 36).

Здесь в повествовании Н.М. Тихменева уже точно имеется как минимум одна серьёзная неточность. Когда впоследствии Нингутинский фудутун в беседе с А.Ф. Розеном сказал, что «при первых слухах о переходе к Вам через границу разных бродяг, нами было немедленно предложено выставить к границе войско наше, для содействия Вам в уничтожении и поимке их. Вы же сами не захотели воспользоваться предложенною помощью», капитан сразу ответил: «Вы предложили двинуть войско не к границам нашим, но в наши владения, на что и воспоследовал с нашей стороны отказ» (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 134. Л. 49—49 об.).

Далее Н.М. Тихменев указывал, что на очередное письмо майора К.А. Пфингстена ответ китайцев был очень уклончив: «Они соглашались, что мангугайские хозяева действительно разбойники, но писали, что в Хунчуне никого нет ни из них, ни из копавших золото на Аскольде. Тогда Пфингстен получил предписание (вероятно, опять же от М.П. Тихменева. — *Р.А.*) потребовать выдачи манз тоном уже более серьёзным. Такой способ действия М.П. Тихменева был одобрен и адмиралом

Фуругельмом» (Тихменев 1908, № 7: 36). Дальнейший рассказ Н.М. Тихменева о событиях уже совсем путаный, явно базируется на отрывочных сведениях из архива его отца и весьма далёк от реальности. Сначала он пишет: «Но генерал-губернатор Корсаков, прибывший к началу июня в Камень-Рыболовов, был другого мнения. Толкуя трактаты, как уже сказано, в невыгодную для нас сторону, он в предписании, данном адмиралу Фуругельму приказал: „взятых с оружием в руках манз, а также и тех жителей, на которых падает справедливое подозрение в содействии разбойникам и укрывательстве их, передать китайскому правительству и требовать их наказания и запрещения въезда“» (Тихменев 1908, № 7: 36). В то время как сохранившиеся документы свидетельствуют об обратном. Затем он пересказывает отрывочные слухи о пограничных переговорах в районе зал. Посьета, отдельные соображения из переговоров капитана А.Ф. Розена в Хуньчуне, завершая это уже явными домыслами о позиции М.С. Корсакова, имеющими крайне мало отношения к исторической действительности: «М.П. Тихменеву поневоле пришлось не настаивать на своих требованиях, и, таким образом, к великому удовольствию китайцев „мы потеряли лицо“. Лишь по окончании беспорядков генерал Корсаков изменил свой взгляд на права проживавших в наших пределах манз, как уже упомянуто выше. В предписании генерала Корсакова к адмиралу Фуругельму, полученном М.П. Тихменевым от этого последнего в Лоренцовой, заключались тоже и другие инструкции. Так, между прочим, предписывалось — и трудно сказать, с какой целью — войти в сношение с Хунчунским амбанем, дабы точно узнать, откуда прибыли в наши пределы разбойники, приказано просить амбаня, а затем и гиринского дзянь-дзюня выставить войска на границе, дабы не пропускать к нам хунхузов впредь. Очевидно, что этот просительный тон, рекомендованный генералом Корсаковым, мог быть истолкован китайцами только как признак нашей слабости, чего всеми мерами, напротив, следовало избегать в сношениях с нашими жёлтыми соседями» (Тихменев 1908, № 7: 36—37).

На самом деле, ещё до прибытия генерал-губернатора М.С. Корсакова в район зал. Посьета и отправки в г. Хуньчунь на объяснение с фудутуном начальника Новгородской постовой команды подполковника Я.В. Дьяченко в этом городе побывал ещё один русский офицер — Генерального штаба капитан А.Ф. Розен, о чём Н.М. Тихменев, а соответственно, А.И. Петров и Р.В. Кондратенко не знали.

9 июня 1868 г., с разрешения находившегося в пути генерал-губернатора М.С. Корсакова, военный губернатор Приморской области И.В. Фуругельм командировал в г. Хуньчунь помощника старшего адъютанта Окружного штаба Восточного Сибирского военного округа Генерального штаба капитана барона Александра Фёдоровича Розена «для словесных переговоров с Хун-Чунским Амбанем (местный начальник),

относительно перехода через нашу границу китайских разбойников» (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 134. Л. 71 об.). Военного губернатора интересовало несколько вопросов. Во-первых, он не был до конца уверен, что выступление в Южно-Уссурийском крае было исключительно разгулом организованного китайского криминала и не имело какого-либо политического подтекста, в той или иной степени имевшего отношение к пограничным китайским властям, поэтому хотел знать социальный статус незаконных золотодобытчиков и участников беспорядков: политические силы, разбойники-хунхузы, привлечённые слухами о золоте авантюристы или добытчики морской капусты? Во-вторых, знают ли китайские власти об участии в грабежах хуньчуньских купцов, нанятых ими добытчиков морской капусты или других жителей Хуньчуня, а также Нингуты и Гирина? В-третьих, циркулировали ли в Хуньчуне до весны 1868 г. какие-либо слухи о русских золотых россыпях и намерении жителей города их добывать?

Ответ на эти вопросы и предстояло узнать А.Ф. Розену. Каких-либо письменных инструкций он при себе не имел, только послание военного губернатора Приморской области к хунчунскому начальнику и словесные указания И.В. Фуругельма о том, как вести переговоры. Равным образом он не имел при себе и военного конвоя, что было несколько рискованно в сложившихся обстоятельствах и позволяло китайским чиновникам периодически вести себя наглее обычного, посылая конвоиров проверять, действительно ли русский офицер спит.

14 июня молодой капитан вместе с переводчиком, унтер-офицером Новгородской постовой команды Белобородовым, выехал из Новгородского поста, 15 июня пересёк границу, добравшись до Хуньчуня, провёл переговоры, причём достаточно успешно, а по возвращении к 20 июня в пост Новгородский он подготовил рапорт М.С. Корсакову с подробным описанием поездки и хода переговоров (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 134. Л. 41—66 об.). Поездку и переговоры А.Ф. Розена следует признать вполне успешными. Прежде всего, ему удалось получить ответы на интересующие И.В. Фуругельма и М.С. Корсакова вопросы. Во-первых, хотя представители Китая и не знали точно, что за люди бесчинствовали в России, но были абсолютно уверены, что ни о какой «политической партии» речи не идёт. Скорее «собрание бродяг и разных злонамеренных людей, преследуемых в своём собственном отечестве», т.е. разбойники-хунхузы и примкнувшие к ним элементы, считавшиеся преступниками и на территории Дайцинской империи. Во-вторых, хунчунский начальник заявил, что каких-либо сведений об участии жителей города в беспорядках у него нет, хотя утверждать это наверняка он не может, но если сведения появятся — виновный будет казнён. В-третьих, ни о каких слухах в Хуньчуне о русских золотых приисках А.Ф. Розен сведений не нашёл (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 134. Л. 45—47).

Что касается вопроса о «потере лица», то в ходе переговоров именно хунчунский начальник просил по возможности выпустить арестованных в России жителей Хуньчуня хотя бы под поручительство известных в городе купцов, а не А.Ф. Розен просил выдать России кого-либо из участников беспорядков. В качестве альтернативы китайцы вообще предложили казнить всех своих подданных, задержанных в России по этому делу, что навело А.Ф. Розена на мысль о финансовой заинтересованности самих чиновников (получение доли добытого золота) и стремлении замести таким образом следы. Впрочем, доказательств этого ни А.Ф. Розену, ни проведённому впоследствии русскими властями следствию добыть так и не удалось. Относительно же наказания виновных китайским властям было совершенно однозначно заявлено, что «до решения участи заключённых, будет сделано предварительное дознание степени их виновности. От Военного Губернатора будет в этом зависеть окончательный приговор над ними и во всяком случае таковой будет основываться на постановлениях и законах наших», иными словами, что судить их будут в России и по законам Российской империи (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 134. Л. 47—48 об.).

Именно А.Ф. Розен, умело играя на коммерческих интересах представителей сопредельного государства, достиг на переговорах в Хуньчуне предварительного согласия китайских сановников на организацию нормально функционирующей системы пересечения русско-китайской границы в Южно-Уссурийском крае по билетам, выданным китайским подданным китайскими же властями в Маньчжурии, с последующим визированием этих билетов русским начальством при пересечении границы и в местах пребывания китайцев. В дальнейшем именно эта система и была реализована на практике (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 134. Л. 50—53 об.).

Далее, несмотря на явное противодействие китайских чиновников, ему удалось договориться о гипотетической поездке в Нингуту, а заодно и осмотреть китайские войска в Хуньчуне, оставившие у него впечатление полной небоеспособности. Это был один из первых, если не первый случай осмотра русским офицером войск в Хуньчуне (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 134. Л. 54 об. — 66).

В целом же переговоры проходили в спокойной атмосфере и конструктивном ключе. Наиболее показательно в этом отношении, что русские власти не стали требовать от китайских чиновников какой-либо материальной компенсации русскому населению, понёсшему убытки от действия хунхузов, а вежливо попросили хунчунские власти оказать крестьянам помощь в покупке в Хуньчуне скота, причём за счёт средств, выделенных военным губернатором Приморской области И.В. Фуругельмом.

По возвращении 20 июня 1868 г. из Хуньчуня в пост Новгородский капитан А.Ф. Розен встретился там с самим М.С. Корсаковым, которому

и представил цитированный выше рапорт. Кроме этого, имели место подробные словесные объяснения относительно хода переговоров и ситуации в Южно-Уссурийском крае в целом. По итогам всестороннего обсуждения результатов прошедших в Хуньчуне переговоров Михаил Семёнович принял два решения. Во-первых, 21 июня 1868 г. предписанием № 250 он «для определения причин, вызвавших образование разбойничьих шаек в Южно-Уссурийском крае», сформировал «особый комитет, из лиц, знакомых с местными обстоятельствами края», председателем которого был назначен Окружной интендант Восточного Сибирского военного округа генерал-майор Н.Г. Шульман (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 134. Л. 35 об.).

Во-вторых — о продолжении переговоров на месте, в Хуньчуне, пока Нингутинский фудутун ещё не уехал обратно, поскольку оттягивать обсуждение накопившихся вопросов двусторонних отношений явно не стоило. Выговоренной же А.Ф. Розеном возможностью послать русского офицера в Нингуту, куда до этого ещё не ступала нога русского офицера Генерального штаба, воспользовались несколько позже — в сентябре 1868 г., когда основные вопросы по ликвидации в двусторонних отношениях последствий Манзовской войны уже были решены.

Поэтому в пограничный китайский город был направлен новый парламентёр — начальник Новгородской постовой команды подполковник Я.В. Дьяченко, один из самых активных и толковых участников предшествовавших военных событий. В отличие от А.Ф. Розена это был человек с большим опытом сибирской и дальневосточной службы, но, судя по всему, куда менее искусный в ведении дипломатических переговоров. Впрочем, соображения своего начальника он донёс до представителя китайских властей практически буквально и, судя по всему, они друг друга вполне поняли. Докладывая об этом военному министру Д.А. Милютину, М.С. Корсаков указывал, «что в бытность мою в Новгородском посту (залива Посьет) я поручил Начальнику Новгородского поста Подполковнику Дьяченко, лично объясниться с бывшим в то время в Хун-Чуне[4] Китайского государства Нингутинским Фудутуном (Помощник Начальника дивизии в чине Генерал-Майора) причём Фудутун объяснил Подполковнику Дьяченко, что Китайцы бывшие на острове Аскольде и производящие разбои в Южно-Уссурийском крае все негодяи и такие же бродяги, как и манзы, копавшие произвольно золото на р. Илихэ и в северо-восточной части Маньчжурии в 1864 году. Что в настоящее время по распоряжению Гиринского Дзянь-цзюня, как только было заявлено пограничным начальником Новгородского

[4] Китайский город в 60 верстах от Новгородского поста. — Прим. док. В настоящее время Хуньчунь — административный центр уезда Хуньчунь Яньбянь-Корейского автономного округа провинции Цзилинь. Расположен на правом берегу р. Хуньчуньхэ у границы с Россией. — Р.А.

поста о вторжении разбойников, то к разным местам государственной нашей с Манчжуриею границы, придвинуты были манчжурские войска для воспрепятствования перехода манчжур и вообще бродяг в Российские пределы, а также и для поимки тех из них, которые будут возвращаться обратно в Манчжурию; но что граница слишком значительна, чтобы возможно было её оберегать на всём протяжении.

За тем Фудутун объявил, что из китайцев, копавших на острове Аскольде золото, никого нет в их пределах, а если кто-либо появится, то немедленно будет препровождён к пограничному русскому начальству. Далее Фудутун объяснил, что содержимые под арестом у нас Китайцы, все невинны в добыче золота и ездили в наши пределы, только для ловли морской капусты; а потому просил выдать им обратно этих людей, и если они сверх ожидания окажутся в чём-либо виновными, то обещал немедленно строго наказать их, согласно законам Китайского Государства, и суд над ними в г. Хун-Чуне произвести вместе с русским чиновником.

Принимая во внимание, что иностранцы, совершившие преступления в пределах нашего отечества, должны судиться по русским законам, я приказал Подполковнику Дьяченке передать Фудутуну, о назначении с моей стороны особой комиссии для разбора степени виновности вышеназванных арестованных китайцев и за тем виновные, будут наказаны по нашим законам» (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 134. Л. 39—40 об.). Причём комиссия эта действительно была создана под председательством командующего Линейной Забайкальской артиллерийской бригадой подполковника А.К. Педашенко (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 134. Л. 34 об.), которого часто путают с военным губернатором Амурской области в 1866—1874 гг. генерал-майором И.К. Педашенко.

Генерал-губернатор Восточной Сибири и Командующий войсками Восточного Сибирского военного округа полностью сдержал слово, данное, при посредстве Я.В. Дьяченко, Нингутинскому фудутуну. Решение о судьбе возмутителей спокойствия, задержанных войсками за время Манзовской войны, М.С. Корсаков принял на месте, в Южно-Уссурийском крае. Впоследствии, 24 июля, он докладывал об этом в очередном рапорте военному министру Д.А. Милютину: «В дополнение донесений моих о беспорядках в Южно-Уссурийском крае, долгом считаю довести до сведения Вашего Высокопревосходительства, что за принятыми энергическими мерами в том крае, водворён ныне должный порядок и разбойники окончательно уничтожены или рассеяны. Находясь сам на месте, я указал необходимые меры, как для поддержания должного спокойствия между местным населением на будущее время, так равно и для возможного по местным условиям отвращения могущего быть вновь вторжения разбойников в наши пределы из соседней нам Манчжурии.

Независимо того, составлена мною особая комиссия для определения степени виновности всех арестованных манз, взятых во время

вышесказанных беспорядков, под председательством Командующего Линейною Забайкальскою Артиллерийскою бригадою Подполковника Педашенко, которому приказано мною: 1) всех манз признанных виновными, отправить морем на остров Сахалин в пост Дуэ, где и должны они поступить в работу на находящиеся там каменноугольные копи; 2) манз, оставленных в подозрении, отправить к Начальнику Новгородского поста, для передачи их пограничным Китайским властям (в г. Хун-Чун), и с запрещением этим манзам навсегда въезда в пределы Российского Государства; 3) манз, признанных не подлежащими подозрению, освободить, предоставив им отправиться, куда пожелают, и поручив местному начальству выдать им надлежащие виды, согласно установленных для сего правил» (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 134. Л. 34—34 об.).

Именно это затем и было сделано. Виновных отправили на каторгу, не вызывавших никаких подозрений манз — отпустили, а подозреваемых с недоказанной виной — передали китайским властям. Организация процесса передачи была возложена на того же начальника Новгородского поста и Суйфунского округа Я.В. Дьяченко, который с поставленной задачей успешно справился. 8 сентября 1868 г. он отправил И.В. Фуругельму подробный рапорт № 548 о завершении этого дела. Во избежание дальнейших дискуссий, приведём его практически целиком: «По окончании суда Комиссии для разбора манз во Владивостоке в Новгородский пост препровождены были 51 человек Китайцев причисленных Комиссиею ко 2-й категории, т.е. подлежащих отправлению за границу, с запрещением когда-либо возвратиться в пределы Империи. При этом получено было уведомление от Председателя Комиссии, что эти китайцы следуют к отправлению в Хунчунь.

Согласно этому китайцы были отправлены, а я Командировал для сопровождения и сдачи их китайским властям заведующего пограничными делами Титулярного Советника Макарова, который по прибытии в г. Хунчунь, донёс мне, что Нингутайский Губернатор, наскучив долгим ожиданием и думая тем вынудить русских к скорейшей выдаче манз, запретил накануне торговлю с русскими; но что тотчас же по прибытии 51 человека и сдаче их торговля вновь была открыта. Вместе с сим, Макаров донёс мне также о желании Футудуна видеться со мною на границе, для прощания (так как получив обратно осуждённых манз, он не имеет никакого дела в Хунчуне и торопился в Нингуту) и для присутствия при казни преступников, пойманных китайцами и уличёнными: один в золотоискательстве, другой в доставке жизненных припасов на о-ва Аскольда, а третий участвовал в нападении на русских. Я изъявил своё согласие на свидание и выехал 30 Августа на границу, во вновь построенный караул, где застал уже Футудуна по совершении казни над тремя разбойниками. Футудун обратился ко мне с просьбой дать бумагу подтверждающую, что всё окончено, все

смуты прекратились и край спокоен. Я обещал ему это. Потом поговорил некоторое время о лучших отношениях на будущее время. Футудун возвратился в Хунчунь. На следующий день, я послал к нему с нарочным письмо, копию с коего честь имею при сём представить. При разговорах я объявил, что намерен посетить его в Нингуте, на что он охотно изъявил согласие, обещая при этом доставить там все удобства. Посещение моё я считаю необходимым единственно для того, чтобы удостовериться лично о мерах, принятых китайскими властями к воспрепятствованию вторжения в наши пределы голодных золотоискателей-манз, и уяснить былые наши права и выгоды китайцев к свободной торговле с Маньчжуриею. На поездку эту, если признается нужным испрашиваю разрешение Вашего Превосходительства, и ассигнований на экстраординарные расходы денег» (РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 160. Л. 1—2 об.).

Упоминаемая в рапорте бумага, подтверждающая, что «всё окончено, все смуты прекратились и край спокоен», — письмо начальника Новгородского поста и Суйфунского округа Я.В. Дьяченко Нингутинскому губернатору, тоже сохранилась в копии. Вот этот документ:

«Копия.

Начальник Новгородского поста и Суйфунского округа
Нингутскому Губернатору.

Вчера я видел с Вашей стороны доказательство дружбы и согласия двух государств: при мне на границе казнили трёх китайских подданных, совершивших преступные дела в русских пределах. Обязанностью считаю донести об этом высшему начальству.

Прошу Вас сообщить начальникам пограничных мест, чтобы они приняли меры к недопущению на будущее время вредных людей в пределы русские и чтобы своевременно уведомляли меня об их намерениях. Равно прошу сделать известным, что вход в пределы русские без билетов начальников, воспрещён. Затем, я уверен, что дальнейшие Ваши действия будут направлены к большему скреплению дружбы и согласия двух государств.

/*подп.*/ Подполковник *Дьяченко*

М.П.
Августа 1868 г.
П. Новгородский

Верно, Заведующий пограничными делами,
Титулярный Советник /*подп.*/ *Макаров*» (РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 160. Л. 3—3 об.).

То, что Я.В. Дьяченко прибыл в Хуньчунь уже после казни китайцев, сам процесс казни не видел, но тем не менее выдал подобную бумагу, не является чем-то уникальным. Это говорит лишь о том, что подполковнику вместо самого процесса казни (удовольствие достаточно

сомнительное) удалось лицезреть только свежие трупы разбойников и отрубленные головы, каковые ему и предъявили. В противном случае он просто не согласился бы написать подобный документ. Так что какой-либо обман со стороны китайских властей полностью исключается. В дальнейшем подобная практика взаимодействия русских и китайских пограничных властей станет нормой.

По сути, говоря простым языком, Я.В. Дьяченко выдал китайцам справку об окончании Манзовской войны 1868 г., урегулировании всех внешнеполитических вопросов, с ней связанных, и отсутствии к китайской стороне политических претензий со стороны русских властей. На этом основная часть пограничных внешнеполитических переговоров по ликвидации последствий Манзовской войны была завершена.

Вот эта, проведённая местными властями по решению М.С. Корсакова, высылка манз, отнесённых комиссией ко 2-й категории, с территории Российской империи за границу, т.е. в Китай, с запретом возвращаться в пределы России, стала настоящей пороховой бочкой, заложенной под русско-китайские приграничные отношения. Удобная, при слабости местных русских властей, в качестве внутриполитической меры по замирению края высылка оказалась главной внешнеполитической ошибкой, совершённой при ликвидации последствий Манзовской войны 1868 г. Дело в том, что эти манзы явно не подпадали под то самое оставшееся на русской территории китайское население, которое было обозначено в ст. 1 Пекинского договора, указывавшей, что «если бы в вышеозначенных местах оказались поселения Китайских подданных, то Русское Правительство обязуется оставить их на тех же местах, и дозволить по-прежнему заниматься рыбными и звериными промыслами» (Сборник договоров 1889: 159—161). С учётом прозрачности границы, смешанного характера населения и отсутствия его поголовной паспортизации, в большинстве случаев их подданство, место постоянного проживания и род занятий определить не представлялось возможным. Более-менее очевидной была только этническая принадлежность и употреблявшийся в речи язык. При этом, как было выяснено уже в 1881 г., ни в одном из русско-китайских договоров не было положений, которые бы обязывали русское правительство выдавать китайцев, совершивших в качестве местных жителей какое-либо преступление в пределах России, для суда над ними по китайским законам (Петров 2003: 247). Поэтому веских оснований как для требования их выдачи китайскими властями, так и их последующей передачи русскими военными не было. В результате эта мера была воспринята китайскими властями совсем не как высылка подозрительных китайских подданных из России, а как передача подозреваемых в участии в беспорядках китайцев китайским же властям для проведения над ними следствия и суда по китайским законам.

Подобными действиями русскими властями был создан крайне опасный прецедент с далеко идущими последствиями. После него китайские пограничные власти стали настойчиво требовать выдавать им для суда в Китае вообще всех китайцев-преступников с территории Южно-Уссурийского края. Иными словами, *de facto* стали настаивать на наличии у китайского населения и пришлых китайцев в этом регионе прав экстерриториальности, которыми они не обладали. Русские же власти периодически их выдавали, пока наконец не разобрались во всех хитросплетениях возникшей юридической коллизии — к концу 1880-х гг. При этом следует подчеркнуть, что А.И. Петров, специально исследовавший крайне запутанный вопрос о подсудности китайцев в Российской империи (Петров 2003: 235—249), ни об особой комиссии для разбора степени виновности арестованных китайцев, ни о распоряжении М.С. Корсакова не знал и, опираясь лишь на данные статьи Н.М. Тихменева, ошибочно полагал, что выданы были именно манзы, «взятые с оружием в руках», а также те жители, «на которых падёт справедливое подозрение в содействии разбойникам и укрывательстве их» (Тихменев 1908, № 7: 35; Петров 2003: 220).

Что же касается созданного М.С. Корсаковым 21 июня 1868 г. особого комитета «из лиц знакомых с местными обстоятельствами края», то он пришёл к достаточно любопытным выводам о причинах Манзовской войны 1868 г. Сохранилась «Записка с заключением особого комитета для определения причин, вызвавших образование разбойничьих шаек в Южно-Уссурийском крае», составленная Окружным интендантом Восточного Сибирского военного округа генерал-майором Н.Г. Шульманом, которую М.С. Корсаков приложил к одному из рапортов, направленных в столицу военному министру Д.А. Милютину (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 134. Л. 35 об.).

«Комитет этот, рассмотрев факты, которые обнаружились во время беспорядков в упомянутом крае, пришёл к следующему заключению о причинах враждебных действий и о намерениях китайцев.

Первоначально намерения китайцев заключались единственно в том, чтобы воспользоваться открытыми на острове Аскольде богатствами, но предводители их, видя препятствия, встреченные ими со стороны русских к разработке золота, старались набрать более сильную партию и при том вооружённую, которая могла бы дать отпор русским в случае возобновления запрещения. Есть слухи, что ожидалось ещё более людей, вызванных из Китая, которые не успели ещё прийти, — притом нельзя было не заключить, что действия наши застали Китайцев не вполне ещё приготовленными. За тем когда окончательно их рассеяли на Аскольде, и они должны были оставить свои работы, то цель начальников их была вероятно померяться силами с русскими и истребить всех русских в крае, дабы не встречать более сопротивления к беспрепятственному пользованию богатствами края.

Известно, что они делали воззвания к жителям фанз присоединиться к их партиям, а, по движению их главной шайки видно было, что она не стремилась выбраться лишь за границу, а напротив, после сожжения Никольского, оставалась в окрестных горах две недели, вновь вернулась к Никольскому, сожгла Суйфунский пост и двинулась к Камень-Рыболову. Весь сброд, которым руководили эти начальники держался их, пока успех благоприятствовал им, и они могли безнаказанно грабить и бесчинствовать; при первой же неудаче шайка рассыпалась, и наш отряд, преследовавший разбойников, встретил уже только незначительные партии, которые шли вразброд и скрывались в горах, стараясь большею частью удалиться за границу. Следовательно в этом сброде нельзя предполагать какой-нибудь определённой цели, которую они бы настойчиво стремились достигнуть; то были наёмщики, охотно подчиняющиеся своим хозяевам за хорошее вознаграждение, но оставляющие их тотчас, когда обстоятельства изменяются для них к худшему.

В отношении к местному населению, главным образом относительно хозяев, нельзя сказать, чтобы они выразили сочувствие той идее, которая руководила начальниками разбойничьей шайки. Действия многих ясно выказывают желание защитить свои дома и имущество от разграбления, и что всё их стремление было направлено к обеспечению на будущее время их жизни, и спокойному пользованию их добром и землями, ими обрабатываемыми. Так например манзы долины реки Сучана образовали свою милицию, к которой присоединилась союзная, составленная из тазов с рек Судухе, Тауху и Пеухун и 280 манджур ловцов капусты под начальством Фадо из Хунчуна, всего до 800 человек.

Они говорили русским, что делают это с целью защититься от хунхузов, но если бы последние каким-нибудь образом одержали верх, то может быть их действия не согласовались с уверениями, ими высказанными. Работники же подчинялись влиянию хозяев, разумея впрочем тех, которые остались на местах и не присоединились к шайкам грабителей.

Энергическими действиями наших войск, разбитием шаек и истреблением многих разбойников, рушились планы предводителей привлёкших в край китайцев и присоединившихся к ним манз, — но ничем ещё не гарантировано, чтобы снова не явились между китайцами предприимчивые люди с желанием попытать счастья к овладению и беспрепятственному пользованию богатствами края» (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 134. Л. 37—38 об.).

В целом, исходя из введённых к настоящему времени в научный оборот данных, выводы особого комитета представляются достаточно точными и объективными. И действительно, проблема рецидива Манзовской войны на территории Уссурийского края сохранялась в той или иной степени как минимум до середины 80-х гг. XIX в. (Авилов 2011: 15—76), когда русская власть в регионе существенно окрепла,

знания о нём стали менее поверхностными, а численность войск выросла. Впрочем, и после этого проблема хунхузничества как уникальной местной формы этнического бандитизма не ушла с повестки дня. Зато был отлажен механизм русско-китайского пограничного взаимодействия на местном уровне, чему во многом способствовало созданное в 1869 г. Южно-Уссурийское пограничное комиссарство — ещё одно прямое дипломатическое последствие Манзовской войны и завершавших её переговоров.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ / REFERENCES AND SOURCES

Авилов Р.С. 2011. *«Для охранения границ Южно-Уссурийского края сформировать...» История создания и службы регулярной кавалерии на Дальнем Востоке России (1869—1914 гг.).* Владивосток: Дальнаука.

Avilov R.S. 2011. *«For Guarding Southern Ussuri Regions' Borders to Form...» The History of Creating and Service of the Regular Cavalry on the Far East of Russia (1869—1914).* Vladivostok, Dal'nauka Publ. (In Russ.)

Ершов Д.В. 2010. *Хунхузы: необъявленная война. Этнический бандитизм на Дальнем Востоке.* М.: Центрполиграф.

Yershov D.V. 2010. *Hunghuz: An Undeclared War. Ethnic Banditry in the Far East.* Moscow, Tsentrpoligraf Publ. (In Russ.)

Кондратенко Р.В. 2004. Манзовская война. Дальний Восток 1868 г. СПб.: Остров.

Kondratenko R.V. 2024. *The Manza War. Far East in 1868*. Saint Petersburg, Ostrov Publ. (In Russ.)

Манзовская война. 1914. *Военная энциклопедия.* СПб.: Т-во И.Д. Сытина. Т. 15.

Manza War. 1914. *Military Encyclopedia.* Saint Petersburg, T-vo I.D. Sytina Publ., vol. 15. (In Russ.)

Петров А.И. 2003. *История китайцев в России, 1856—1917 годы.* СПб.: ООО «Береста».

Petrov A.I. 2003. *The History of the Chinese in Russia, 1856—1917.* Saint Petersburg, OOO «Beresta» Publ. (In Russ.)

Сборник договоров 1889: *Сборник договоров России с Китаем 1869—1881.* СПб.: Тип. Императорской Академии наук.

Collection of Treaties between Russia and China 1869—1881. Saint Petersburg, Tip. Imperatorskoy Akademii nauk Publ. (In Russ.)

Тихменев Н.М. 1908. Манзовская война (Первое вооружённое столкновение русских с китайцами в Южно-Уссурийском крае в 1868 году). *Военный сборник*. № 2: 23—40; № 3: 29—50; № 4: 19—32; № 5: 43—60; № 6: 53—70; № 7: 29—46.

Tikhmenev N.M. 1908. The Manza War (The First Armed Conflict between Russians and Chinese in the South Ussuri Region in 1868). *Voyennyy sbornik*, No 2: 23—40; No 3: 29—50; No 4: 19—32; No 5: 43—60; No 6: 53—70; No 7: 29—46. (In Russ.)

Дата поступления в редакцию 15.04.2026